

Император Тайхэ в своё время скрыл эту тайну очень тщательно, и даже Ли Чанью, его способный министр, ничего не знал об этом. Поэтому, услышав слова Сун Чэня, он посчитал это верхом абсурда.

Как бы то ни было, он верил, что покойный император никогда не стал бы отказываться от признания собственного законного сына из-за наветов каких-то мелких злодеев.

Он уже собирался возразить, но увидел, что Сун Чэнь оглядывается по сторонам и говорит:

— Сегодня я пришёл лишь за тем, что принадлежит мне по праву — за государством. Что касается моего происхождения, у императрицы есть доказательства. Кто из вас ещё сомневается?

Его пронзительный взгляд, подобный клинку, скользнул по министрам внизу:

— Вы все — опора Великой Цзинь, и государство нуждается в вас. Сегодня, если вы согласитесь перейти на мою сторону, то все сможете покинуть дворец целыми и невредимыми. А если нет... — Сун Чэнь резко выхватил острый меч, и холодное свечение мгновенно заполнило зал. — Тогда не взыщите с меня за беспощадность моего клинка!

Министры переглянулись. Время шло, и вскоре первые из них опустили на колени, выражая покорность новому императору.

В любую эпоху находятся такие бессовестные сановники.

Первая группа приспешников уже преклонила колени, однако большая часть министров всё ещё держалась стойко.

Сун Чэнь уже собирался казнить кого-нибудь для устрашения, чтобы заставить остальных принять решение, но внезапно неизвестный предмет ударил его в правую руку, и меч с звоном упал на пол.

— Кто там прячется?! — закричал он, смешав гнев с испугом.

В этот момент за его спиной Лу Минцзэ, который казался уже мёртвым, внезапно поднялся, словно воскресший мертвец. Одновременно с этим десятки фигур возникли словно призраки из воздуха и быстро сковали Сун Чэня, императрицу и Мо Сю-и. Тот самый командир средней гвардии неожиданно переметнулся на другую сторону и отвесил поклон поднявшемуся Лу Минцзэ.

Сун Чэнь с открытым ртом смотрел на лезвие, прижатое к его шее. Ещё мгновение назад он был на пороге трона, а сейчас стал узником. Огромный контраст заставил его потерять всякое достоинство, и он закричал в истерике:

— Сун И, ты меня обманул!

— Это не я тебя обманул, — с презрением посмотрел на него Лу Минцзэ. — Это ты сам не знаешь себе цены и посмел бросить вызов моему авторитету.

— Авторитету? — Сун Чэнь расхохотался. — Какой авторитет? Я — законный сын императора!

Да, он был законным сыном, и именно он должен был занять этот высший трон.

Лу Минцзэ заранее предвидел его упрямство и спокойно произнёс:

— Законный сын? Кто тебе это сказал? Она?

Он небрежно бросил взгляд на побледневшую императрицу.

— Она сказала — и ты поверил? Я даже восхищаюсь твоей проницательностью!

На лице Лу Минцзэ появилась насмешливая улыбка:

*

Лишь пион — истинная красота Поднебесной,

Когда он цветёт, он потрясает столицу.

*

Вдовствующая императрица, этот самый пион, в своё время была истинной красавицей, из-за которой бесчисленные герои склонили головы. По сравнению с ней репутация «первой талантливой дамы» Цяо Жовэй ничего не стоит.

Слушая слова Лу Минцзэ, некоторые министры словно вспомнили что-то из прошлого, и их взгляды устремились на императрицу, чья красота не увяла до сих пор.

— Однако, — тон Лу Минцзэ изменился, — красивые женщины часто бывают ядовитыми.

Он начал рассказывать о той давней, пыльной истории:

— В то время и покойный император, и князь Цзинь были очарованы этим прекрасным цветком. Но из двоих императрица больше нравилась весёлому и красивому князю Цзиню, и тайно они связали себя узами любви. Однако князю Цзиню пришлось уехать из столицы по поручению, и они договорились пожениться по его возвращении. Спустя месяц князь Цзинь, запыленный с дороги, вернулся, но узнал, что его возлюбленная оказалась во дворце!

Министры, казалось, уже догадались об этом скандальном секрете, но Лу Минцзэ не стал ничего скрывать и продолжил:

— Князь Цзинь был убит горем, но понимал, что ничего уже не изменить. Не знаю, из мести или по другим причинам, он быстро нашёл знатную девушку в столице и женился на ней. Восемь месяцев спустя вдовствующая императрица Цыхуэй родила мальчика раньше срока. Император был в восторге. Хотя у него уже было две дочери, сына не было, поэтому он относился к этому ребёнку с безграничной любовью и благодаря ему возвёл тогдашнюю наложницу Цыхуэй в ранг императрицы.

Ли Чанью кивнул. В то время рождение сына у наложницы было большой радостью для императора, и те события казались совсем недавними.

— Но отец не знал, что этот сын принадлежит другому, — он бросил взгляд на шатавшегося Сун Чэня и продолжил. — Однако нет секретов, которые не вышли бы наружу. Это дело случайно обнаружила тогдашняя княгиня Цзинь. Она донесла об этом моему отцу, и тот пришёл в ярость, решив, что это клевета. Княгиня Цзинь была женщиной твёрдого характера и покончила с собой, чтобы доказать свою правоту. Лишь тогда отец отправил тайных стражников расследовать дело, и в итоге выяснилось, что этот сын действительно не от него. В гневе он потребовал объяснений от императрицы, но она злилась на него за то, что он

разлучил их. Император Тайхэ действительно знал, что его брат питал чувства к императрице, но не думал, что они зашли так далеко. Перед тем как сделать Цыхуэй наложницей, он лично спрашивал её мнения, но императрица, возможно, из своих корыстных соображений, согласилась. Как бы то ни было, в этом деле отец был не совсем честен, и он всегда испытывал вину перед князем Цзинем. Поэтому, даже если принц не был его кровным сыном, он не стал убивать ребёнка, а объявил о его смерти и отдал его на воспитание князю Цзиню. Это и есть Сун Чэнь.

Сун Чэнь казался, что хотел возразить, но глядя на вдовствующую императрицу, лицо которой выражало полное отчаяние, лишь шевелил губами, не издавая ни звука.

— Но на этом история не закончилась. Вдовствующая императрица, боясь, что император узнает правду и казнит её, решила нанести упреждающий удар. Она думала, что если император умрёт, а у него нет сыновей, то трон, скорее всего, достанется князю Цзиню. Поэтому она, перерезав все пути назад, подсыпала яд в питьё покойному императору. Император искренне любил и уважал её, и хотя между ними уже возникли трения, он не ожидал такого подлого удара. К счастью, его вовремя спасли, жизнь отца удалось сохранить, но он потерял способность иметь детей. После такого даже святой потерял бы терпение, но чары императрицы были сильны. Как раз в этот момент князь Цзинь покончил с собой, оставив предсмертное письмо, в котором просил брата пощадить императрицу ради былой дружбы. Князь Цзинь был совершенно невиновен в отравлении, и отец не смог убить императрицу, а лишь отправил её в монастырь. К счастью, в то время во дворце одна из низших наложниц оказалась беременной, и отец сохранил эту кровную линию. Это и есть я.

Сун Чэнь закрыл глаза, стараясь сдержать выступившие на глазах слёзы.

Вся его жизнь оказалась огромным обманом. Все те истории о том, что из-за интриг наложниц император Тайхэ ошибочно подозревал его в связи с князем Цзинем, из-за чего сын был опорочен и отправлен из дворца на воспитание, — всё это было ложью.

Он вдруг снова расхохотался, в его смехе слышались нескрываемая ненависть и безысходность. Он указал пальцем на вдовствующую императрицу, но не смог выдать ни слова.

Ради этого мятежа он стал коварным и жестоким, а оказалось, всё это было лишь ловушкой одной эгоистичной женщины.

Мать? Когда у него, Сун Чэня, вообще была мать?!

Лу Минцзэ, глядя на его безумное лицо, вдруг не захотел говорить ему, что Чжао Лян помогал ему лишь потому, что был другом детства вдовствующей императрицы.

Хотя этот главный герой был безжалостен и хитёр, судьба действительно сыграла с ним злую шутку.

Однако — Лу Минцзэ провёл рукой по лицу — у каждого несчастного есть своя доля вины. Будь он на месте Лу Минцзэ, он никогда бы не поднял знамя мятежа, опираясь лишь на слова одного человека. Ему сказали — и он поверил? Он что, совсем не соображает?

По сути, всё произошло потому, что история, рассказанная императрицей, соответствовала его подавляемым амбициям, поэтому он поверил в неё безоговорочно.

Если бы он был в здравом уме, он бы тщательно перепроверил своё происхождение. Или, будь он честным и открытым человеком, мог бы напрямую спросить у императора Тайхэ, и тот не

стал бы дальше скрывать правду.

Этот дерзкий мятеж начался с громким треском, но был легко подавлен Лу Минцзэ.

Министры, выходя из дворца после банкета, чувствовали себя дезориентированными. Услышав столько дворцовых тайн, не решит ли император их замолчать?!

Думая об этом, они крепко замолкали, решив хранить всё в тайне даже во сне.

<http://bllate.org/book/16840/1549244>